

Кто войдет в замок Тайной вечери?

Чудаковатый немного человек Патрик Брюни. Что-то есть от Дон Кихота в этом художавом верзиле. Может, черные глаза, в которых бродят отблески каких-то смутных галлюцинаций? Станный взгляд. В 90-е годы такой остался только у поэтов. Визитная карточка господина Брюни напоминает: вот человек из мира кино. Но это не больше, чем приманка. На самом деле уже три года Патрик Брюни занят совсем другим делом. Голос с неба велел ему поставить на сцене театра Батаклан версию эротического романа Бернара Нозля «Замок Тайной вечери».

«Замок Тайной вечери». На него в конце 60-х годов наложили вето надменные стражи морали, уверенные, что, будь роман опубликован, нравы окажутся оскорбленными. Двадцать лет миновало. Но истинное искусство на коротке со временем. «Замок Тайной вечери» — этот тайный бестселлер

французской поэзии можно воспринять как книгу, оконченную только вчера. Все так же чисты и фривольны помыслы ее автора. Все так же коробят и притягивают.

Брюни рискует. Рискует навлечь гнев ханжей и все же создает оперное действо по крамольной книге, где главные персонажи — чувственность и реальность. Дерзкий до обреченности на провал вызов миру, где властвует прагматизм, рассеивший иллюзии, где ирония сменила нежность. Потому надежды Брюни — на юную аудиторию, на тех, кто еще не попался в ловушку делового мира. «Мир чувств раздроблен, — считает режиссер будущего спектакля, — потому что нить, связующая разные человеческие чувства, оборвалась. Эта нить — сексуальная полноценность человека».

Брюни не стоит упрекать в нескромности. Вслед за Нозлем он просто желает объяснить:

любовь неплатоническая не есть минутное наслаждение одной плоти. Экстаз тела должен породить экстаз мысли. В этом, быть может, единственная мораль самого загадочного из чувств.

Брюни желает объяснить это устами актера Филиппа Леотара. Они подходят друг другу — Брюни и Леотар. Последний — царь хаоса, поэт неразберихи. Он способен все перевернуть с ног на голову, но так виртуозно, что нарушенный порядок вещей, перенесенный в сферу хаоса, почти бреда, приобретает новую стройность, почти логику. Итак, драматический актер Леотар в центре оперного действия. (Тоже, признаться, неслучайно).

И есть еще один человек, без участия которого задуманное представление вряд ли состоялось бы. Это музыкант Патрик Муле. Человек, колющий со звуками. Свою музыку Муле добывает из «звуча-

щих скульптур». Это уже не метафора, а вполне конкретный термин, заслуживающий уточненного комментария. На сцене Батаклана Муле возвел подобие мини-собора. Это его «звуковая скульптура» (И вероятно, это и есть «Замок Тайной вечери»). Внутри скульптуры — песок, огонь, вода. Естественные звуки, свойственные трем природным компонентам, способны создать музыкальное произведение. Песок сыплется. Огонь трещит. Вода шумит. Не материал ли это для страстнейшей из партитур, которой стоит лишь придать необходимые тональность и ритм? Каждый образ, возникаемый в спектакле, должен стать осязаемым благодаря естественности шумовых эффектов песка, огня, воды, Леотар произносит, например: «Вот луна, скрывающаяся в море». Каким-то чудом из своей «скульптуры» Муле добывает звуки, которые и впрямь могли бы стать

голосом погружающейся в море луны.

Точный звук рождает чувственность. Она — суть спектакля. Любовь — суть Вселенной. Об этом и поэма Нозля с ее сюжетом, не поддающимся пересказу.

Но кто способен войти в Замок Тайной вечери? Тот лишь, чьи помыслы непорочны настолько, что он мудр и не стесняется инстинктов, узаконенных природой, считая, что это есть высшая степень вдохновения тела и духа. Поэтому он, входящий, не способен ни убивать, ни лгать.

Да пребудет с тем, кто войдет в замок, чистота. Но кто войдет в него?

Серж РАФФИ.
ПАРИЖ.